

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ТАМГООБРАЗНЫХ ЗНАКОВ СЕВЕРОПОНТИЙСКОЙ ПЕРИФЕРИИ АНТИЧНОГО МИРА

Еще в прошлом столетии ученые разных стран заинтересовались так называемыми «загадочными знаками» Северного Причерноморья, столь распространенными на этой окраине античного мира в римскую эпоху. Интерес по мере накопления материала продолжал увеличиваться с каждым годом¹. Многие специалисты по античной культуре, историки, лингвисты, этнографы, археологи, нумизматы, искусствоведы и представители других специальностей пытались проникнуть в тайну этих непонятных изображений, встречающихся на самых различных по характеру и назначению памятниках: мраморных плитах общегосударственного или общественного назначения, детских игрушках, ювелирных изделиях и глиняных грузилах, на монетах и свинцовых гирях, на украшениях конской сбруи и глиняных сосудах, на надгробных памятниках и бронзовых котлах, на стенах склепов или пещер и на фресковой росписи, выполненной греческими мастерами и т. д., и т. п. В результате создалось положение, когда поиски решений привели к тому, что одни ученые считали их тамгами тюркских и монгольских племен², другие — упрощенным идеографическим письмом скифского общества³, третьи — знаками магического характера⁴, четвертые — символами буддийской религии⁵, пятые — руническим письмом и связали появление знаков с готами Причерноморья⁶. Было высказано мнение о знаках как прародичах глаголицы славян⁷. Так что в выяснении происхождения загадочных знаков и их смысла и назначения — вопросов, имеющих большое значение для изучения экономической и

¹ Н. Мурзакевич, Оливийские древности, ЗООИД, т. III, 1853, стр. 247, табл. VI; В. Юргевич, Оливийская надпись, ЗООИД, т. VIII, 1872, стр. 1—3; П. Бурачков, О памятниках с руническими надписями, находящихся на юге России, ЗООИД, т. IX, 1875, стр. 194—199; табл. XIV; А. Савельев, Два лапидарных памятника, «Древняя и новая Россия», 1875, № 4, стр. 371—375; А. Лаппо-Данилевский, Скифские древности, ЗРАО, т. IV, 1887, стр. 168—170, 513; В. Юргевич, Камень с загадочными знаками, хранящийся в музее Одесского общества истории и древностей, ЗООИД, т. XV, 1889, стр. 504—505; В. Латышев, Загадочные оливийские надписи, ЗООИД, т. XV, 1889; В. Шкорпил, Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатория, ИАК, вып. 37, 1910, стр. 23—35; М. Ростовцев, Античная декоративная живопись на юге России, СПб., 1914, стр. 298; И. Мещанинов, Загадочные знаки Причерноморья, ИГАИМК, вып. 62, 1933; Th. Struve, Pontische Briefe, «Rheinisches Museum für Philologie», 25, 1870; Bela Posta, Archaeologische Studien auf russischem Boden, III—IV, Budapest — Leipzig, 1905, стр. 433—434, 486—488, 538; G. Kieseritzky und C. Watzinger, Griechische Grabreliefs aus Südrussland, B., 1909, стр. 34, 41, 111—112; M. Ebert, Die Frühmittelalterlichen Spangenhelme vom Baldenheimer Typus, «Praehistorische Zeitschrift», I, B., 1909, стр. 69—71, рис. 4—5; A. Götze, Ostgotische Helme und Symbolische Zeichen, «Mannus», B., 1909, стр. 24—25; E. Mins, Scythians and Greeks, Camb., 1913, стр. 79, 316—318, 435—436, 506—507; В. Латышев, IOSPE, I, 105, 179, 202, 205, II, 219, 232, 304, 363, 423, 428, 431, 433, 434, IV, 447; J. Kozłowski, Pismo obrazkowe, znaki własności czy symbole religijne?, «Przegląd archeologiczny», zeszyt 3—4, Rok II—III, Poznań, 1921, стр. 127—134; E. Mercklin, Antiken im Hamburgischen Museum für Kunst und Gewerbe, AA, 43, 1928, B. und Lpz, 1929, стр. 291, 453—455; K. Schuchardt, Vorgeschichte von Deutschland, München — Berlin, 1928, стр. 275—276; Herta Rupp, Die Herkunft der Zelleneinlage und die Almandin Scheibenfibeln im Rheinland, II, Bonn, 1937, стр. 29; N. Morosan, Semn ieroglikif dintr-un Kurgan din Basarabia, Chisinau, 1938; L. Kozłowski, Zarus Pradziejów Polski Południowo-wschodniej, Lwow, 1939, стр. 99—100.

² Савельев, ук. соч., стр. 375.

³ Лаппо-Данилевский, ук. соч., стр. 169—170.

⁴ Ростовцев, ук. соч., стр. 298.

⁵ Рупр, ук. соч., стр. 29.

⁶ Бурачков, ук. соч., стр. 194. Мнение о принадлежности знаков готам встречается и в других работах: Kieseritzky und Watzinger, ук. соч., стр. 34, 41 и др.; Schuchardt, ук. соч., стр. 275—276; Kozłowski, ук. соч., стр. 100.

⁷ Н. А. Константинов, Скифо-сарматские знаки на памятниках Причерноморья (К вопросу о происхождении славянского письма), Альманах «Крым», 1951, № 7, стр. 246—247; он же, Черноморские загадочные знаки и глаголица, «Уч. зап. ЛГУ, сер. филол. наук», 1957, вып. 23, стр. 117.

культурной истории самой северной окраины античного мира в римскую эпоху, существует несколько взаимоисключающих точек зрения. В своей статье мы предполагаем дать обзор некоторых из этих работ и высказать собственные соображения.

В 1933 г. И. И. Мещанинов опубликовал книгу «Загадочные знаки Причерноморья»⁸, в которой впервые критически пересмотрел многие выводы предыдущих исследований и обобщил материал по знакам северопонтийской периферии античного мира. Используя широкие аналогии, Мещанинов поставил ряд важных вопросов, в том числе о внешнем сходстве форм знаков различных систем, возникших независимо друг от друга. Однако многие выводы автора книги оказались не подкрепленными материалом и многие вопросы остались открытыми.

В 1956 г. вышла работа Г. Енихена⁹. Это была вторая серьезная попытка обобщить материалы, связанные с изучением тамгообразных знаков. Енихен собрал и изучил большое количество не только сарматских знаков, но и знаков других народов и племен иранского этнического массива. Это позволило ему заметить одну весьма важную черту сарматских знаков и знаков других ираноязычных племен — непрерывное развитие знаков. Енихен удачно построил ряд таблиц, иллюстрирующих изменение начертаний одного и того же знака и образование новых производных форм. Однако дальше этих таблиц он не пошел, остановившись на разделении сарматских знаков по отдельным группам. Более того. Из правильно отмеченной закономерности изменения знаков и развития новых производных форм Енихен сделал неправильный вывод о том, что главной, чуть ли не исходной формой сарматских знаков была форма многочисленных царских знаков Боспора. Заметив же бросающееся в глаза сходство форм сарматских знаков с формами знаков кушанских, сасанидского Ирана и других государств Енихен предположил, что они развились якобы из иранских тамговых знаков. Наконец, подводя итоги всей своей работе и отвечая на главный вопрос о значении знаков, Енихен пришел к выводу, что знак любой формы, любого начертания был специально выраженным символом власти. Правда, эти же знаки, часто встречающиеся на надгробных памятниках, стенах склепов, на различных ремесленных изделиях из погребений, противоречили такой общей схеме. Из этого затруднения Енихен попытался выйти следующим образом: каждый знак, по его же мнению, заключал в себе, помимо специальной символики власти, и специальную загробную символику, или, выражаясь образно, содержанием знаков, независимо от их формы, было соединение двух культов: культа власти с культом заупокойным.

В 1959 г. появилась книга Э. И. Соломоник «Сарматские знаки Северного Причерноморья»¹⁰. В этой книге многие памятники с сарматскими знаками были опубликованы впервые, причем все фотографии и описания доступных памятников были сделаны автором с подлинников. Это превратило книгу Э. И. Соломоник в своеобразную энциклопедию, сделав ее не на один год настольной книгой для специалистов различных профилей.

Книга Э. И. Соломоник, на которую мы в свое время дали рецензию, имела целью, как пишет автор во введении, подготовить научную публикацию памятников со знаками и поставить вопрос об их происхождении, назначении, сферах распространения и связях с системами письма (стр. 4—5). Появление знаков Э. И. Соломоник совершенно правильно относит ко времени родового строя (стр. 16), когда с развитием общества, разложением первобытнообщинных отношений и появлением частной собственности знаки родовые становятся знаками собственности отдельных лиц. Но как и пережитки родового строя, сохраняющиеся в классовых формациях, знаки еще долго продолжают употребляться и в феодальных обществах, иногда даже заменяя отсутствующую письменность.

В отличие от большинства предшественников, искавших универсальный ключ к разгадке таинственных знаков, Э. И. Соломоник избрала верный отправной момент:

⁸ ИГАИМК, вып. 62.

⁹ H. J ä n i c h e n, Bildzeichen der königlichen Hoheit bei den iranischen Völkern, Bonn, 1956.

¹⁰ Э. И. С о л о м о н и к, Сарматские знаки Северного Причерноморья, Киев, 1959.

знаки служили одновременно для разных целей, только меняясь и развиваясь во времени (стр. 16). На вопрос о том, откуда произошли загадочные знаки Северного Причерноморья, Э. И. Соломоник отвечала, что эти знаки были принесены в Северное Причерноморье сарматами (стр. 17). В подтверждение этого автор ссылается на следующие факты: во-первых, знаки появляются в Северном Причерноморье в первые века н. э. вместе с появлением сарматских племен, усиленной сарматизацией и появлением среди царей Боспора имен явно сарматского происхождения; во-вторых, сарматские племена двигались с Востока, и загадочных знаков больше всего имеется в восточной части Северного Причерноморья; в-третьих, эти знаки найдены уже на ранних (IV — II вв. до н. э.), а также на достоверных сарматских памятниках I—II вв. н. э. К ним относятся сарматские бронзовые котлы из Прикубанья, сосуды из сарматских могильников, сарматские зеркала-подвески из погребений, открытых на Волге, Дону, Кубани, в Северном Причерноморье. Все это, как отмечает Э. И. Соломоник, позволяет со значительной долей уверенности предполагать существование знаков в сарматской среде, занесенных в Северное Причерноморье движением сарматских племен с Востока на Запад (стр. 17).

Э. И. Соломоник (стр. 18) дает также ссылку на несколько источников, в которых приводятся ранние скифские стрелки с рельефными и нацарапанными зигзагами, разного рода крестиками и т. п. Возможно, пишет она, эти значки и какие-то другие применялись скифами независимо от сарматского влияния, хотя и соглашается с мнением Б. Н. Гракова о рельефных линиях на ранних скифских стрелках как чисто орнаментальных украшениях. Относительно формирования сарматской тамговой системы Э. И. Соломоник указала, что при формировании любой системы знаков на протяжении длительного периода некоторые изображения обычно заимствовались у соседних племен и народов. На этнографических параллелях Э. И. Соломоник не останавливалась. Э. И. Соломоник чрезвычайно удачно классифицировала основные группы памятников с загадочными знаками. Учитывая, что один и тот же знак, будучи даже по своей природе тамгой, мог иметь разное значение в зависимости от того, на каком предмете (как и в каком сочетании) он ставился, Э. И. Соломоник выделила, насколько это было возможно, группы знаков на сходных по своему характеру памятниках, отказавшись от географического, хронологического и других возможных критериев классификации (которые будут полезны лишь при дальнейшей работе над изучением памятников со знаками). Благодаря этому схема Э. И. Соломоник получила простую, очень удачную для работы форму. Все знаки разделены сначала на три большие группы: 1) знаки на каменных плитах, стенах склепов и пещер, 2) знаки на различных ремесленных изделиях, 3) знаки на монетах. Первая группа, в свою очередь, разделяется на знаки единичные, сопровождаемые часто греческими надписями, на множество знаков, расположенных беспорядочно на камнях и стенах, на знаки с более упорядоченным расположением. Во второй группе выделяются знаки, выполненные мастером при изготовлении вещи, и знаки, нанесенные на уже готовые изделия.

Рассмотрение знаков по группам позволило Э. И. Соломоник сделать ряд важных выводов: об употреблении царских знаков Боспора с целью подчеркнуть местный характер правящей династии, о переходе царских знаков по наследству, о наличии на Боспоре специальных царских мастерских, изделия которых клеймились царскими знаками, о возможности выделить в знаках на надгробных знаках рода или семьи умершего, а в знаках на изображениях домашних животных — знаки собственности (тавро). К последнему выводу пришел также Енихен.

Однако многие вопросы остаются еще не решенными.

В 60-е годы появились работы Г. Гумбаха¹¹ и Б. Наделя¹². Гумбах, введя в са-

¹¹ H. H u m b a c h, Die sogenannte sarmatische Schrift, «Die Welt der Slaven». VI, 3, Wiesbaden, 1961, 225, 231.

¹² B. N a d e l, Uwagi metodyczne o badaniach nad tzw. zagadkowymi znakami Północnego Nadrzecznomorza z okresu antycznego, «Archeologia», XIII, 1962, Warszawa, 1963, стр. 178—185.

мо название работы термин «сарматское письмо», начал свою статью критикой взглядов Н. А. Константинова, объявившего причерноморские знаки исходными первого славянского письма — глаголицы. Дальше критики взглядов Константинова Гумбах, однако, не пошел. Его дальнейшие положения оказались ошибочными. Так, отвечая на один из главных вопросов — что же представляли собой загадочные знаки Северного Причерноморья, столь распространенные в первые века н. э., Гумбах пишет, что он готов предположить тамговый характер лишь небольшой части этих знаков. К числу таких знаков он относит те, форма изображения которых наиболее проста. Что же касается сарматских знаков с усложненной формой изображения, а также многочисленных изображений царских знаков Боспора, то Гумбах заявляет, что последние являются обычными греческими монограммами. А раз знаки — монограммы, то он тут же приступает к их чтению, разлагая сложные знаки боспорских царей на составные элементы — якобы буквы греческого алфавита. Объявив же основной формой знак Тиберия Евпатора, он читает его как греческое слово «солнце».

Мы уже указывали, что Енихен, заметив сходство сарматских знаков с изображением знаков кушанских, сасанидского Ирана и других государств Среднего Востока, сделал вывод о том, что причиной подобного явления служит развитие всех этих знаков из иранской тамговой системы. Гумбах не прошел мимо этого сходства, и в другой работе¹³, исходя из своей теории монограммного значения сложных знаков, он посчитал знаки на одной из плит первых веков нашей эры, найденной в Бактрии, за греческие монограммы и «прочитал» их как имя древнеиранского бога Солнца Митры. Не вдаваясь в подробности «расшифровок» Гумбаха, сразу же заметим, что и с точки зрения лингвистической его «чтенне» знаков как греческих монограмм является искусственным, нарушающим элементарные принципы построения монограмм. Это достаточно убедительно показала Э. И. Соломоник в своей рецензии на статью Гумбаха, опубликованной в «Советской археологии» (1966, № 3, стр. 299—301).

Б. Надель в согласии с Э. И. Соломоник отмечает, что знаки имеют тамговый характер и безусловно связаны с родовыми знаками. Не вызывает сомнения у Наделя и этническая принадлежность многих причерноморских знаков сарматам. Более того, указав на важность географической классификации памятников со знаками и приведя на стр. 182—183 классификацию (согласно которой из 145 памятников достоверно известного происхождения 4 происходят из Заволжья, 22 — с Кубани, 74 — с Боспора, 16 — из Крыма, 20 — из Ольвии, 7 — с Поднепровья, 2 — из Молдавии), Б. Надель прямо говорит, что большинство памятников, найденных на территории Боспорского царства, нужно связать именно с сарматским населением Боспора. Однако этим и заканчивается позитивная часть положений его работы. Надель согласен видеть в некоторых причерноморских тамгах первых веков н. э. греческие монограммы. Надель утверждает также, что тамговый характер рассматриваемых знаков совершенно не противоречит их магическому и обрядовому характеру. Таким образом, для Наделя каждый знак — соединение в едином изображении трех символов: тамговой, магической и обрядовой. Сходство форм причерноморских знаков с изображениями знаков у других племен и народов, по его мнению, свидетельствуют о том, что знаки могли переходить от одного народа к другому.

Надель замечает, что, изучая так называемые загадочные знаки Северного Причерноморья, необходимо пойти по пути разграничения трех разных культурно-исторических кругов, с которыми якобы связаны эти знаки: греко-античного, боспорско-иранского и древнетюркского.

Насколько нам известно, после выхода в свет работы Б. Наделя ни в СССР, ни за рубежом не появлялось специальных исследований, посвященных изучению тамгообразных знаков северопафтийской периферии античного мира.

Нерешенность ряда проблем, связанных с этими знаками, а также наличие различных точек зрения по отдельным вопросам побудили нас вновь вернуться к рассмот-

¹³ Н. Н u m b a c h, Die Kaniska — Inschrift von Surkh-Kotal, Wiesbaden, 1960, стр. 12.

рению этих знаков. В итоге ряда исследований¹⁴ мы пришли к следующим выводам. Прежде всего, разногласия относительно принадлежности сарматам большинства подобных знаков первых веков н. э. представляются нам бесплодными. Во-первых, если даже некоторые знаки были заимствованы сарматами у соседних народов, то установить, у кого именно и какие знаки, вряд ли удастся в силу причин, о которых мы скажем ниже. Во-вторых, если и были заимствованные знаки, то в сарматской среде они приобрели новое значение, аналогичное значению подобных им сарматских знаков, иначе говоря, они стали сарматскими. К числу знаков местного происхождения, не принадлежавших сарматам, относятся, по нашему мнению, лишь царские знаки Боспора Киммерийского, о которых мы также будем говорить ниже. Что касается древнетюркских элементов, упомянутых в работе Б. Наделя, то среди достоверно датированных памятников времени бытования сарматских знаков мы не имеем на сегодняшний день ни одного памятника со знаками, который мог бы быть связан с древнетюрками. Таковые появляются в Причерноморье в более позднее время. Особое внимание уделили мы вопросам происхождения северопричерноморских родовых знаков первых веков н. э., вопросам «расшифровки» этих знаков, а также вопросам, связанным с изучением группы царских знаков Боспора Киммерийского. В изучении всех этих вопросов мы сочли необходимым обратиться прежде всего к этнографическим параллелям.

Эти этнографические параллели показывают, что иногда некоторые народы заимствуют отдельные изображения у своих соседей, но при этом выбирают, как правило, не изображения каких-либо предметов, а письменные знаки (т. е. то, чего нет у заимствующих). Так, современные бедуины используют остатки протоарабского, самудского письма¹⁵; в качестве некоторых дворовых марок — тамг средневековой Европы — применялись буквы рунического алфавита¹⁶. Хакасы для знаков собственности применяли русский алфавит¹⁷.

Обычный же путь, по которому идет развитие родовых знаков, — вовсе не путь заимствования знаков соседних народов. Напротив, в том и заключается смысл тамги, сначала родовой, затем семейной, наконец, личной, что она выделяла один род, семью, лицо среди соседних родов, семейств, лиц, в связи с чем была хорошо известна, соответственно, соседним родам, семьям и использовалась ими во всех случаях жизни с самыми разнообразными целями. Во-вторых, мы убедились в том, что и сам исходный знак — знак родовой собственности — был первоначально изображением тотема — прародителя. И там, где жизнь сохранивших до наших дней родовой строй племен не была подвержена сильному влиянию народов, стоящих на гораздо высших ступенях истории, очень хорошо прослеживается путь развития тамги из родового знака. Возьмем, к примеру, обских угров¹⁸. Ляпинский вогул Петр Кукин принадлежал к роду «филин». Поскольку род «филин», видимо, в свое время отделился от основного рода, общеродовой тамгой было не само схематическое изображение птицы (там же, стр. 167, табл. 2, рис. 1—5), а только часть ее — лапа. Выделившись из рода, П. Кукин оставил по традиции своей тамгой лапу филина ¹⁹. Зато его младший

¹⁴ В. С. Драчук, До питання про взаємовідносини деяких тамгових систем різних племен, «Науковий щорічник Київського державного університету за 1956 рік», Київ, 1957; о н ж е, Про деякі спірні питання вивчення знаків власності Київської Русі, «Студентські наукові праці Київського державного університету», вып. XXIII, Київ, 1958; о н ж е, рец. на кн. Э. И. Соломоник «Сарматские знаки Северного Причерноморья», СА, 1962, № 4; о н ж е, Стела со знаками из Теребовельщины, СА, 1967, № 2; о н ж е, Про царські знаки Боспора Кімерійського, «Археологія», вып. XXII, Київ, 1969.

¹⁵ Ч. Лоукотка, Развитие письма, М., 1950, стр. 90.

¹⁶ Г. Нотенг, Die Haus und Hofmarken, В., 1870, стр. 141.

¹⁷ С. В. Иванов, Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — нач. XX в., «Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», новая серия, т. XXII, М.—Л., 1954, стр. 590.

¹⁸ В. Н. Чернецов, К истории родового строя у обских угров, СЭ, VI—VII, 1947, стр. 158—185.

¹⁹ Возможно, это было результатом того, что отец Кукина, сирота, считался воспитанником рода (Чернецов, ук. соч., стр. 169).

брат прибавил к тамге отросток вверх λ (стр. 169, табл. 4, 3). У сына же Петра появляется отросток в середине тамги λ (№ 4). А в другой линии Кукиных третий отросток лапы вообще исчезает, и хотя они еще осознают свою принадлежность к роду «филин», новая тамга λ (табл. 4, 5) называется в силу своего внешнего сходства уже другим словом, обозначающим в переводе « $\sqrt{\quad}$ -образная стрела». Это, как мы считаем, классический образец «порчи» родового знака с развитием общественных отношений и пример появления схематических форм²⁰ (т.е. тех форм, которые в наибольшем количестве дошли до нас с разных территорий), исчезновения тотемного названия и появления названия, взятого из жизни. Очень жаль, что продемонстрированный здесь пример развития родовых знаков, блестяще исследованный в свое время на колоссальном этнографическом материале П. С. Ефименко²¹, почти не принимается сейчас во внимание исследователями. П. С. Ефименко указывает, что многообразие знаков, которые появляются как раз в период разложения рода, выделения общин, семейств, именно тем и объясняется, что, набравшись смелости назвать свой знак не знаком бывшего тотема-прародителя, человек вскоре осмеливается взять своим знаком изображение одного из предметов быта, с которыми он тесно связан и от которых в значительной степени зависит его благополучие. Но ведь предметы быта, окружающие людей, в основном одинаковы, особенно у народов с одинаковыми формами хозяйства. А отсюда — распространение сходных форм знаков на широкой территории, особенно у родственных племен, стоявших на одинаковой ступени развития. И именно на основе, указанной выше, а не на заимствованиях основывается сходство тамг различных племен и народов. Это хорошо известно у якутов, хакасов, телеутов, тувинцев, сибирских татар, бурятов и др. Все их родовые знаки насчитывают не очень много форм (несколько десятков). Причем почти постоянно встречаются изображения родового знака в виде оленя, стрелы, молота, весла, окна, двери, человека, птиц, дерева, солнца, луны и пр. Все эти формы возникли независимо друг от друга, без заимствований и во многих случаях имеют название, указывающее на их происхождение²².

Если к этому добавить, что почти такие же тамги имеют и все остальные жители Сибири, то никаких сомнений быть не может: на основании только внешнего сходства изображений выводить сразу же заимствования их одним или другим народом совершенно нельзя.

Попытки объяснить некоторые моменты формирования сарматских знаков заимствованием сарматами некоторых знаков из районов Сибири, Алтая и Средней Азии²³, как мы считаем, не совсем удачны. Во-первых, в силу сказанного выше о сходных формах знаков, и, во-вторых, возможные прототипы, указываемые в данном случае, не более ранние, чем сарматские знаки. Наоборот, они либо одновременные, либо более поздние. Более того, мы полагаем, что даже наличие очень древних образцов, подобных сарматским знакам, дает мало реального для положительного решения вопроса о древности форм сарматских знаков. Так, например, наличие мотива свастики в древних культурах Египта, Ассирии, Вавилона, Индии вряд ли может свидетельствовать и о древних корнях сарматских свастических знаков. Ибо многие примеры этнографии убедительно говорят, что не все свастики — одно и то же. Так, свастическая тамга тувинцев обозначала свинец²⁴; у алтайцев же свастический знак изображал солнце²⁵. Аналогично у калмыков тамговая свастика «джунгуру» обозначала пере-

²⁰ Причем одинаковых у разных народов не в силу заимствований, а в силу простоты начертаний.

²¹ П. С. Ефименко, Юридические знаки, ЖМНП, 1874, ч. CLXXV, стр. 53—83; ч. CLXXVI, стр. 145—170, стр. 271—293.

²² Иванов, ук. соч., стр. 533—735, рис.: стр. 567, 568, 590, 684, 689, 692.

²³ Соломоник, ук. соч., стр. 19.

²⁴ Иванов, ук. соч., стр. 684, рис. 131, № 11, стр. 685.

²⁵ Там же, стр. 644, рис. 86, № 11.

крестину кибиточных шестов²⁶, а свастический знак из трех завитков был составным компонентом другой тамги — «тунмыль», взятым из религиозных предметов домашнего обихода²⁷. И возникли они, конечно, у тех и у других независимо, причем в разное время.

Что же представляют собой формы остальных знаков Северного Причерноморья, встречающиеся очень широко в виде разнообразных сочетаний рисунков и знаков начертаний чисто геометрических или близких к некоторым буквам греческого алфавита? Это сложный вопрос, решить который не представляется возможным и из-за отсутствия письменных источников, и из-за существования одинаковых форм (различных, однако, по содержанию), что не позволяет пользоваться аналогиями. Сам период I—III вв. н. э., от которого дошло большинство сарматских знаков Северного Причерноморья, был периодом разложения родового строя, периодом появления и существования наряду с родовыми семейных и личных тамг. Как указывал Ефименко²⁸, следствием этого было массовое появление новых тамг, формы которых брались человеком из окружающей обстановки и быта, причем взятая форма все время менялась в связи с переходом по наследству.

«Расшифровывая» сарматские знаки на основании сходства форм, мы можем стать на позиции, по поводу которых в свое время писал акад. И. И. Мещанинов (рассматривая положение В. Юргевича о кавказском происхождении сарматских знаков): «Представим себе, что исследователь причерноморских „загадочных знаков“ подошел бы к ним не через сличение с кабардинскими тамгами, как это сделали Юргевич, а за ним и все остальные, а типологическим сличением с только что упомянутыми „цыганскими письменами“ (см. рис. 13, стр. 37). Он пришел бы, идя тем же формальным методом, к совершенно другим выводам, признав в знаках на ольвийских львах воровское письмо. От подобных выводов исследователь оказался спасенным только тем, что последнее не попало ему на глаза. Пример достаточно яркий и мало утешительный для односторонней формальной типологии, кидающей научного работника во власть простой случайности»²⁹. И действительно, если мы обратимся не к пряслицам из Троп, а скажем, к тамгам и пиктограммам тюркских народов, к примеру якутов, то знак в виде волнистой линии (казалось бы, самая типичная змея), как и предполагалось³⁰, обозначает аршин материи³¹. Так же обозначалась и цепь гор, и змея. И это вовсе не результат заимствования, а схематическое воспроизведение чем-то похожих предметов — такой же формой в искусственном бамумском письме изображается нитка³² или вода — у других племен³³; горы — в древнешумерских идеограммах³⁴, тамга «дегре» у калмыков, являющаяся исходной приведенной выше тамги «тунмыль»³⁵.

То же самое можно сказать и в отношении U-образной формы сарматских знаков, в которой можно видеть якобы стилизованное изображение головы рогатого животного³⁶. Такая форма обозначала дорогу у кунов — американских индейцев³⁷, сердце — в китайских пиктограммах³⁸, копыто и подкову — у калмыков³⁹ и у бурятов⁴⁰, сову, быка, лиру, цветок — у кабардинцев⁴¹ и т. п.

²⁶ П. Н. Е б о л ь с и н, Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса, СПб., 1852, стр. 13; рис. 2, стр. 24.

²⁷ Там же, стр. 24, рис. 1.

²⁸ Е ф и м е н к о, ук. соч., стр. 286 сл.

²⁹ М е щ а н и н о в, Загадочные знаки Причерноморья, стр. 41—42, 44.

³⁰ С о л о м о н и к, ук. соч., стр. 21.

³¹ И в а н о в, ук. соч., стр. 568, рис. 28, № 11, стр. 569.

³² Л о у к о т к а, ук. соч., стр. 272, табл. 56.

³³ К. W e u l e, Afrikanische Bildenschriften, «Kosmos», 1914, № 11, стр. 21.

³⁴ Л о у к о т к а, ук. соч., стр. 35, табл. 2.

³⁵ Н е б о л ь с и н, ук. соч., стр. 13, 24, табл., рис. № 3.

³⁶ С о л о м о н и к, ук. соч., стр. 21.

³⁷ Л о у к о т к а, ук. соч., стр. 296, табл. 59.

³⁸ Там же, стр. 248, табл. 47.

³⁹ Н е б о л ь с и н, ук. соч., стр. 14, табл. тамг, рис. 15.

⁴⁰ И в а н о в, ук. соч., стр. 692, рис. 1, № 4.

⁴¹ В. П. Ж и д а е в, Кабардино-черкесская тамга и кавказский орнамент, «Уч. зап. Кабардинского НИИ», IV, Нальчик, 1948, стр. 256, рис. 5; стр. 257, рис. 8; стр. 258, рис. 9; стр. 260, рис. 12; стр. 262, рис. 15 и др.

Если идти и дальше таким путем, то к любому сарматскому знаку можно найти «расшифровывающие» аналоги, взятые из этнографических тамговых или пиктографических знаков. Приведенных примеров достаточно, чтобы увидеть беспочвенность каких-либо попыток расшифровки. Эта расшифровка тем более невозможна, что у одних и тех же народов одинаковые пиктограммы или знаки ⁴² обозначают иногда разные вещи. Так, например, тюркоязычные народы Сибири знаком $\oplus$ обозначали тамгу

«бубен» ⁴³ и солнце ⁴⁴, знаками $\boxplus$, $\boxminus$ — дверь ⁴⁵, кирпич и окно ⁴⁶, знаком $\cup$ — луну и подкову ⁴⁷, т. е. аналогичные вещи аналогично условно и изображались и их смысл в таком случае зависел от того, где и с какой конкретной целью ставилась та или иная пиктограмма — знак.

Нам представляется, что это положение применимо не только к тем знакам, к которым еще не подысканы заманчивые аналоги, а ко всем знакам Северного Причерноморья, в том числе и к наиболее известной группе памятников Северного Причерноморья — к царским знакам Боспора, которым давалось в литературе различное толкование ⁴⁸.

В связи с этим нам хотелось бы обратить внимание на значение отдельных знаков и указать на то толкование, которое может быть им дано. Речь идет о трактовке изображения мужчины и женщины с поднятыми руками, сидящими на коне, у народов угорской группы — хантов и манси. Мужчина, имеющий название Мир-суснэ-хум (дословно «за людьми смотрящий человек»), изображал младшего сына Нуми Торука (т. е. манси) — посредника между людьми и богами, «объезжающего каждую ночь землю на белом коне» (с просьбами к нему обращались через шаманов) ⁴⁹. Женщина — жена и сестра Нуми Торука, была матерью Мир-суснэ-хума и считалась прародительницей мансийской фратрии Мош-Махум ⁵⁰. Возможными прототипами этих изображений считаются бронзовые пластинки ананьевской культуры Прикамья, которые изображают женщину, сидящую на коне ⁵¹. Смысл изображения женщины в ананьевскую эпоху, по мнению А. В. Збруевой, — в богине — покровительнице домашнего очага и богине — владычице подземного царства, богине смерти ⁵². Подобную картину, изображающую женщину — богиню подземного царства, стоящую на коне на колесах, мы имеем и на древнеавилонских бронзовых плитах ⁵³. У тех же вавилонян, как известно, существовало женское божество Иштар или Астарта — мать богов, и мать всего сущего. Поэтому в поисках происхождения по аналогии тамговых знаков и описанных выше мотивов вряд ли имеется основание возводить все к единому источнику. Скорее всего, подобные мотивы возникали и независимо друг от друга ⁵⁴. Эти представления дала человечеству пройденная им стадия развития — матриархат.

⁴² Любой тамговый знак, как правильно указывает Ч. Лоукотка, — своего рода пиктограмма (ук. соч., стр. 22).

⁴³ И в а н о в, ук. соч., стр. 567, 568, рис. 27, № 12—15.

⁴⁴ Там же, стр. 604, рис. 49, № 16, 17, 27 и др.

⁴⁵ Там же, стр. 684—685, рис. 131, № 15.

⁴⁶ Там же, стр. 692, рис. 1, № 2, 3.

⁴⁷ Там же, стр. 692, рис. 1, № 4, 7.

⁴⁸ Б. А. Р ы б а к о в, Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси, X—XII вв. СА, VI, 1940, стр. 234; С. П. Т о л с т о в, Из предистории Руси, СЭ, VI—VII, 1947, стр. 51; о н ж е, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 184—187, 342. Основой царских знаков считали буддийскую религиозную символику (R u p p, ук. соч., стр. 29), в них видели стилизованное изображение птицы (M e r c k l i n, ук. соч., стр. 454 сл.) или их считали греческими монограммами.

⁴⁹ И в а н о в, ук. соч., стр. 50—55.

⁵⁰ Там же, стр. 52.

⁵¹ А. В. З б р у е в а, Идеология населения Прикамья, «Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», новая серия, I, 1947, стр. 49, рис. 2.

⁵² Там же, стр. 49—50.

⁵³ Там же, стр. 49, рис. 3; стр. 50.

⁵⁴ Н. Н. П о г р е б о в а, Состояние проблем скифо-сарматской археологии..., сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1952, стр. 27.

В появившемся позже божестве — мужчине — улавливается новая ступень развития общества — патриархат. Что касается изображений коня, то указанные божества соединились с ним там, где конь играл большую роль в жизни человека. Иногда место коня занимал медведь, волк или другой хищник, на котором и разъезжала женщина-богиня⁵⁵.

Мы полагаем также, что нет оснований возводить значение и смысл царских знаков Боспора (и других) к описанным мотивам. Ведь у самих сарматов ни в более ранние времена, ни позднее мы не видим ни одного экземпляра подобных знаков. Они есть только на Боспоре⁵⁶ к тому же первые, самые ранние образцы знаков типа

являются эмблемой, гербом царей Боспора. Эти знаки имеют и другую особенность: как бы они не изменялись — нижняя часть знаков остается одинаковой, меняется же только верхняя часть. Причем верхняя часть царских знаков, как известно, — составной элемент многочисленных сарматских знаков и встречается на десятках различного вида памятников (нижней же части царских знаков мы на достоверно сарматских памятниках нигде не встречаем). Не свидетельствует ли это о том, что нижняя часть символизировала Боспорскую династию, поэтому и общая на всех знаках, а верхняя часть была именным символом, меняясь с переходом по наследству⁵⁷. И не следует ли из этого, что царские знаки Боспора соединили в один компонент два символа разного происхождения и разной принадлежности: символ Боспорской династии — трезубец и знак сарматского населения Боспора — именную тамгу⁵⁸? Примеры этнографии свидетельствуют, что появление нового тамгового знака, цель которого — отобразить соединение двух разных влияний, осуществляется именно указанным выше путем соединения, а не отбрасыванием одного символа. Царские же знаки Боспора были вызваны к жизни, как признают большинство исследователей, необходимостью отобразить «варварскую», т. е. сарматскую струю в истории Боспора. До тех же пор пока такой необходимости не было, успешно употреблявшимся символом Боспорских династий был отнюдь не символ «великой богини», а трезубец — символ бога Посейдона. Он был введен на Боспоре с того времени, когда слово «царь» вошло в употребление не только у туземных племен, но и у греческого населения, а прежний термин «архонт» был оставлен, что произошло при Спартоке III (304/03 — 284/83 г. г. до н. э.)⁵⁹.

Почему именно трезубец был взят своеобразным царским гербом, объясняется из легендарной генеалогии царей Боспора, якобы происходивших от Геракла и Евмолпа, сына Посейдона. На ранних образцах трезубец встречается в сочетании иногда с дельфином, иногда с палицей Геракла и шкурой льва. С тех пор всегда, когда цари Боспора желали указать на принадлежность чего-либо правящей династии, на ее приоритет и т. п., они ставили свою генеалогическую эмблему — трезубец. Так сделал Митридат VIII в 39/40 г. н. э., объявив себя царем вопреки решению Рима⁶⁰, так сделали Римиталк (131—153 гг. н. э.) и Евпатор (154—170 гг. н. э.) во время ослабления римского влияния⁶¹, так поступил Савромат II (174—210 гг. н. э.), уничтожив все следы зависимости от Рима и проведя монетную реформу⁶².

Колоссальные изменения внутри самого Боспорского царства, выразившиеся в это время в сарматизации культуры и быта греческого населения Боспора, в изменении самого этнического состава Боспорского царства (в результате наводнения его территории варварами и вследствие присоединения новых земель, населенных сарматскими племенами), в возрастающей роли варваров, во внешнеполитической жизни

⁵⁵ З б р у е в а, ук. соч., стр. 46—50.

⁵⁶ Д р а ч у к, Про деякі спірні питання..., стр. 170.

⁵⁷ О н ж е, До питання про взаємовідносини..., стр. 127.

⁵⁸ О н ж е, рец. на кн. Э. И. Соломоник, стр. 255.

⁵⁹ В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Строительные керамические материалы Боспора, ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 278, рис. 76 в.

⁶⁰ В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 326.

⁶¹ А. Н. З о г р а ф, Античные монеты, МИА, 1951, № 16, табл. XLVII, 18; XLVII, 3.

⁶² Г а й д у к е в и ч, Боспорское царство, стр. 336.

Боспора, привели, как нам кажется, к тому, что цари Боспора ввели в употребление еще одну царскую эмблему⁶³. Появление новой эмблемы совпало во времени с изменением официальной титулатуры царей на «Царь всего Боспора и тавро-скифов...» вместо «Царь Боспора»⁶⁴. Причем новый знак был в употреблении только внутри страны. На предметах, имеющих международный характер, каковыми были монеты, тот же Евпатор, Савромат II, Рискупорид III⁶⁵ и другие цари правящей династии по-прежнему ставили трезубец, а не новый именной знак, «ущемивший» древний герб Боспорских династий⁶⁶. Но этот трезубец был уже чаще всего не трезубцем, а трезубчиком, с маленькой ручкой, из углов которого, как и в царских знаках типа ⁶⁷, выходили своеобразные отроги. Только выходцы из

варварских династий, как, например, Фофорс (286—308 гг. н. э.) совершенно отбрасывали трезубец и ставили везде, в том числе и на монетах, свой именной герб. Царские знаки Фофорса, Иннифимей (234—239 гг. н. э.), вероятно, выходцев из сарматской этнической среды, имеют совсем другую форму (— Фофорс; — Иннифимей), что подтверждает высказанные нами предположения: как только к власти приходили цари, для которых была чужда боспорская символика, забывался и тре-

зубец, и новый знак боспорских царей типа , по-видимому, представлявший собой предполагаемое соединение. Новые цари варварского происхождения имели свою родословную, свою тамгу⁶⁸, которая была для них такой же святыней, как трезубец для царей Боспора⁶⁹.

Нам кажется неубедительным также предположение о том, что эти знаки употреблялись царями Боспора для противопоставления последнего Риму⁷⁰, не только потому, что знаки были более всего распространены на восточных границах Боспорского царства, но и потому, что для противопоставления Риму Боспор использовал трезубец⁷¹. Неубедительной считаем мы и попытку видеть в изображении царских знаков на плитах к тому же и божественный символ⁷², якобы охраняющий стены города от вражеских нападений. Изображение знака воспринималось, скорее всего, как обычный царский герб, именной знак, употреблявшийся на варварской периферии и знаменовавший господство царей Боспора на территориях, заселенных сарматскими племенами⁷³.

Придавая большое значение выводу о толковании знаков на изображениях домашних животных, как знаков собственности, к которому, как было указано в начале статьи, пришли параллельно и Енихеп, и Соломоник, мы в то же время считаем, что знаки могли быть нанесены и с другой целью. Так, например, народы самоедской группы — иганасаны — помимо обычного клеймения тамгами собственности ставили на лопатках оленей и знаки другого хозяина — хозяина духа животных⁷⁴, которые мало чем отличались от изображений знаков собственности. Кстати, на одном из трех известных нам сарматских памятников также изображено две тамги (причем разных)⁷⁵.

⁶³ Драчук, Про царські знаки..., стр. 234.

⁶⁴ В. В. Шкорпил, Новонайденные Боспорские надписи, ИАК, вып. 63, 1917, стр. 112.

⁶⁵ Гайдукевич, Боспорское царство, стр. 590—591, табл. VI, 83, 90, 91; Зограф, ук. соч., табл. XLVIII, 3.

⁶⁶ Драчук, Про царські знаки..., стр. 233—234.

⁶⁷ Гайдукевич, Боспорское царство, табл. VI, 91.

⁶⁸ Представляющую, кстати, обычные варианты сарматских знаков, распространенных в Причерноморье.

⁶⁹ Драчук, рец. на кн. Э. И. Соломоник, стр. 255.

⁷⁰ Соломоник, ук. соч., стр. 23.

⁷¹ Гайдукевич, Боспорское царство, стр. 326, 336.

⁷² Соломоник, ук. соч., стр. 25.

⁷³ Н. Л. Захаров, Краснодарское городище, Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 2, № 475, стр. 33.

⁷⁴ Иванов, ук. соч., стр. 81.

⁷⁵ Соломоник, ук. соч., стр. 79—81, № 35.

Однако следует отметить, что хотя примеры этнографии и свидетельствуют об употреблении знаков с определенной магической целью (как, например, указанный выше случай с клеймением оленей тамгой хозяина духа животных) достоверные этнографические данные больше всего говорят об использовании знаков с разнообразными, чисто практическими намерениями: то ли для обозначения лиц, проживающих в данном поселении или городище (своего рода домовая книга; в таком случае знаки высекались либо на специальных предметах все вместе, как например, «жест старшины» деревни ⁷⁶, либо на воротах и стенах городищ ⁷⁷, то ли для обозначения пастбищ и водопоев (знаки в таких случаях высекались на скалах, крупных камнях, на заметных предметах вблизи источников воды ⁷⁸; для обозначения всех предметов домашнего хозяйства владельца тамги (ложки, стаканы, весла, лодки, вилы, домашние животные, одежда, бочки, сети и т. п.) ⁷⁹; для обозначения чужих предметов разного рода, найденных без клейма или еще никому не принадлежащих ранее и впервые объявляемых собственностью ⁸⁰ и т. п. И это подтверждают примеры не только из жизни сирийских кочевников и кабардинцев, русских крестьян и инородцев Севера, но и примеры различных народов всех материков: индейцев Америки и австралийцев, негров Африки и тюрок Азии, жителей Новой Зеландии и др. ⁸¹.

В связи с этим мы не видим оснований предполагать культовый характер таких памятников, как камень из Кривого Рога, плита из Керчи ⁸² с изображением двух лошадей и им подобных. Считаем также, что указанием на культовое значение не могут служить такие факторы, как сочетание знаков с рисунками и повторение на одной плите одинаковой формы знаков ⁸³.

Не говорит ли скорее факт сочетания сарматских знаков с примитивными рисунками животных или каких-то других предметов из жизни сарматского общества (понять реальный смысл которых труднее из-за большой схематичности) о том, что последние также являются тамговыми знаками? Ведь существование чисто графических изображений тамг характерно уже для развитого общества с классовой дифференциацией, с центральной властью и т. п. Если же взять для примера родовые знаки не татарские, не кабардинские, не Рюриковичей, Сасанидов, Сиявушидов, Кушанов и т. п., а тамги обществ, стоявших на более низких ступенях развития, где родовой строй либо еще не разложился, либо находился в процессе разложения, то увидим там существование, наряду с чисто графическими тамгами (такими же, как у сарматов), тамг-рисунков (пиктограмм в полном смысле слова), указывающих на процесс исчезновения тамги-рисунка и появление тамги-знака. Так, помимо указанных выше графических тамг индейцев Америки, аналогичных по изображению среднеазиатским и боспорским тамгам, последние употребляли и тамги-рисунки, еще сохранившие названия: медведь, акула, зимородок, черепаха, журавль ⁸⁴. То же самое можно увидеть и в системе родовых знаков обских угров ⁸⁵, юкагиров ⁸⁶, тюркоязычных народов Сибири ⁸⁷, туземцев Австралии, негров Африки и др. ⁸⁸.

⁷⁶ Г. К. Гейкель. Из финляндской археологической литературы, ИАК в. 38, 1911, стр. 127—128, рис. 208.

⁷⁷ Wetzstein, Über das Eigentumszeichen nomadischer Völker, «Globus», В I XXXII, 16, Braunschweig, 1877, стр. 255—256.

⁷⁸ Там же, стр. 256.

⁷⁹ Ефименко, ук. соч., ч. CLXXV, стр. 58—59.

⁸⁰ Там же, стр. 60—61.

⁸¹ Там же, ч. CLXXVI, стр. 271—280; Иванов, ук. соч., стр. 27.

⁸² Соломоник, ук. соч., стр. 97—99, № 43; стр. 99—100, № 44.

⁸³ Там же, стр. 405, № 48; стр. 108, № 52; стр. 109—110, № 53; стр. 29.

⁸⁴ Ефименко, ук. соч., ч. CLXXVI, стр. 293, табл. тамг, № 361—365.

⁸⁵ Чернецов, ук. соч., стр. 164, табл. I; стр. 167, табл. II; стр. 168, табл. III; стр. 169, табл. IV; Иванов, ук. соч., стр. 29, рис. 7—8; стр. 30, рис. 10; стр. 31, рис. 11—12; стр. 32, рис. 13; стр. 33, рис. 14.

⁸⁶ Иванов, ук. соч. стр. 529, рис. 87.

⁸⁷ Там же, стр. 567, рис. 26; стр. 568, рис. 27—28; стр. 590, рис. 40а; стр. 684, рис. 131; стр. 689, рис. 136; стр. 692, рис. 1.

⁸⁸ Ефименко, ук. соч., ч. CLXXVI, стр. 271—287.

Сарматские знаки дошли до нас от времени, когда тотем-животное отступает на задний план, а на первое место выдвигаются предметы кочевого быта; теряются тотемные названия родов и родовые знаки, изображающие тотем; появляется множество знаков-схем, изображения которых взяты из кочевого быта⁸⁹. И как отзвуки прошлого существуют тамги-изображения тех животных, которые продолжают играть большую роль, главным образом, лошадей у кочевников.

Относительно наличия двух сходных форм знаков на одной стороне плиты или другого предмета, вызывающих недоумение исследователей, мы думаем, что подобное явление вовсе не свидетельствует о принадлежности обеих тамг одному и тому же лицу. Дело в том, что у всех народов круг форм как отражение предметов окружающей действительности был резко очерчен не очень уж большим многообразием (о чем мы говорили выше), а тамга, даже будучи нарисована в одинаковой форме, но под другим углом или с небольшим отклонением той или иной линии, уже принадлежала другому роду или лицу. Об этом красноречиво свидетельствуют приведенные материалы по Сибири⁹⁰, кабардинские тамги или, например, тамги калмыков⁹¹, где одна и та же тамга типа *З* была родовым знаком рода «хурулов» в вертикальном изображении и рода «родов» — в горизонтальном положении. Памятники же с большим количеством различных знаков, нанесенных разными резцами и в разное время, говорят о том, что эти памятники находились в таком месте, куда по какой-то причине, приходило много людей, владеющих нанесенными на такие памятники тамгами. В. Пожидаевым указан пример нанесения тамг на скале у скотопроезной тропы⁹².

Мы считаем также, что знаки с относительно упорядоченным расположением вряд ли проливают свет на возможные пути развития сарматских знаков. Скорее всего, они проливают свет на сферы употребления тамговых знаков в повседневной жизни. Ибо вряд ли знаки с якобы упрощенной формой и упорядоченным расположением⁹³ могут косвенно свидетельствовать о тенденции развития их в стройную систему письма. Упрощенность форм говорит только о позднем времени их возникновения.

Что касается памятников с несколькими знаками, нанесенными одним резцом подряд⁹⁴, то нам наиболее вероятным представляется определить их смысл по аналогии с упомянутыми выше «жезлом старшины», на котором аккуратно были вырезаны тамги жителей данного селения⁹⁵, со строкой знаков на скале в районе Мерва, изображающей тамги племен с одинаковым количеством собираемой дани, со строкой знаков в Босре на так называемых «ветряных воротах» «Баб-Эль-хава», представляющей собой сбор тамг тех племен, кто имел право жить в городе, со знаками на надгробной плите, найденной на горе Монтин, в 6 км от Дамаска, где стояли знаки двух народностей, юноши которых, бывшие друзья, тяжело ранили друг друга во время ссоры и перед смертью пожелали быть погребенными вместе⁹⁶.

Вообще говорить об употреблении сарматских знаков в значении письменности мы можем лишь в том смысле, что все эти знаки, представляя собой определенную пиктограмму⁹⁷, употреблялись, конечно, с той целью, с какой развитые общества употребляли слова, написанные буквами алфавита.

Изучая же знаки, наносившиеся на стены пещер, мы пришли к выводу, что их конкретная роль находилась в прямой зависимости от того, с какой практической целью использовалась пещера. Так, знаки, нанесенные на стенах пещеры, используемой под жилье, наверняка наносились с той же целью, с какой наносились они на

⁸⁹ Там же, ч. XLXXVI, стр. 286—287.

⁹⁰ Иванов, ук. соч., стр. 26—33.

⁹¹ Н е б о л с и н, ук. соч., стр. 13, 34, табл. тамг, № 3.

⁹² В. П о ж и д а е в, Хозяйственный быт Кабарды, Воронеж, 1925, стр. 21—22.

⁹³ С о л о м о н и к, ук. соч., стр. 113—124, № 57—62; стр. 33—34.

⁹⁴ Там же, стр. 121 сл., № 60.

⁹⁵ Г е й к е л ь, ук. соч., стр. 127 сл., рис. 208.

⁹⁶ W e t z s t e i n, ук. соч., стр. 256.

⁹⁷ Д о у к о т к а, ук. соч., стр. 22.

стены жилищ многих народов, например кабардинцев, ставивших их на дверях гостиной⁹⁸. Это значит, что они были ничем иным, как тамгами лиц, которым и принадлежала пещера. Причем близкие по форме тамги, встречающиеся в таких случаях, хорошо свидетельствуют о заселении пещеры на протяжении более или менее длительного времени представителями одной семьи или рода. Если же пещера использовалась населением с культовой целью, то и знаки, безусловно, выполняли определенную культовую роль.

Мы не можем согласиться с точкой зрения исследователей, которые считают, что знаки имеют одновременно много значений, т. е. являются культово-магическими символами, знаками собственности, родовыми тамгами и т. п. Основываясь на многочисленных примерах этнографии, мы считаем, что все они были только родовыми и именными тамгами⁹⁹. Какую же конкретную роль они исполняли — знаки собственности, или культово-магическую и т. п. — зависело от того, с какой целью и на каком памятнике их ставили. Кроме того, иногда тамговые знаки наносили на какой-нибудь предмет «механически», без всяких преднамеренных целей, что, к сожалению, исследователи часто не принимают во внимание.

К определенным выводам привело нас и изучение сарматских знаков на различных ремесленных изделиях. Так, на поясных пряжках первых веков н. э. кроме царских знаков были встречены и другие, типично сарматских форм, иногда употребленные вместе с царскими на одной и той же пряжке¹⁰⁰. Это дает нам основание сделать вывод, что знаки на пряжках, отличающиеся по своему изображению от сложных знаков боспорских царей, являются либо тоже знаками царей III — начала IV в. н. э. — выходцев из варварской среды, либо перед нами налицо факт существования, помимо царских мастерских, мастерских варварской аристократии. В пользу высказанного свидетельствует и то, что кроме пряжек мы имеем и другие изделия (в том числе золотые), помеченные знаками, характерными для сарматов¹⁰¹. Кроме того, мы считаем, что существование большого количества зеркал с одинаковыми изображениями из разных районов также указывает, вероятнее всего, на существование специализированных мастеров или мастерских, работавших на широкий рынок, как это признается исследователями относительно мастерских по изготовлению поясных наборов.

Особый интерес среди загадочных знаков представляют собой знаки, встреченные на монетах царей Инисмея, Фофорса, Фарзоя и Савмака. Однако если ни у кого из исследователей сейчас не вызывает сомнения тот факт, что знаки на монетах скифского царя Инисмея, боспорского царя Фофорса были именными царскими знаками, то со знаками Фарзоя и Савмака дело обстоит иначе. Мы полностью согласны с П. О. Карышковским, что на монетах Фарзоя мы имеем изображение Кадудея, а не знака. На монете же Савмака, изданной К. В. Голенко¹⁰², знак можно рассматривать как греческую монограмму.

И, наконец, проблемы, связанные с дальнейшей судьбой сарматских знаков. Мы рассмотрели возможные пути их развития и пришли к выводу, что говорить с уверенностью о будущем сарматских знаков сейчас можно лишь следующее: очертания тамг у сарматов, как и у других народов, переходили в орнамент. Причем на ранних ступенях тамгового орнамента еще осознавалась его связь с родовым знаком¹⁰³. Однако очень скоро такая связь предается забвению. Сарматские зеркала были, види-

⁹⁸ Пожидаев, Кабардино-черкесская тамга..., стр. 241 сл.

⁹⁹ Драчук, Стела со знаками из Теребовельщины, стр. 244.

¹⁰⁰ Соломоник, ук. соч., стр. 134, № 84—86; см. также M i n n s, ук. соч., стр. 318, 507 и E b e r t, ук. соч., стр. 71, рис. 5.

¹⁰¹ Соломоник, ук. соч., стр. 125—129, № 63—66; стр. 130—132, № 69—70.

¹⁰² К. В. Голенко, О монетах, приписываемых Савмаку, ВДИ, 1951, № 4, стр. 199—203, табл. I, № 2. См. также A. S a l l e t, Saul... oder Saum... ein kolchischer oder scythischer König, ZfN, т. III, В., 1876.

¹⁰³ Чернецов, ук. соч., стр. 169—170, табл. V.

мо, одними из тех предметов обихода у варваров, где впервые появляется тамговый орнамент. В V—VI вв. н. э. и позже мы видим орнаментальные схемы уже и на других изделиях мастеров Северного Причерноморья, в частности, на поясных наконечниках, где, конечно, всякая связь с родовым знаком утеряна ¹⁰⁴.

Относительно других путей развития сарматских знаков ничего определенного сейчас сказать нельзя. Возьмем, например, знаки на наконечниках копий, привлекавшие внимание ученых ¹⁰⁵. У нас нет ни одного подтверждения, кроме внешнего совпадения начертаний, для отнесения знаков на копьях к кругу причерноморских знаков первых веков н. э. Но что касается внешнего совпадения форм знаков (особенно таких, как разного вида вилоподобные знаки, свастики и круги), то по этому поводу мы приводили выше примеры из жизни и соседних, и отдаленных и совершенно далеких народов. В данном же случае скажем еще раз: почему, например, для сравнительным путем, не выводить происхождение вилоподобных и свастических знаков на копьях из аналогичных знаков на неолитических сосудах из Тордоса и Семиградья ¹⁰⁶, из двузубцев, распространенных во II—I вв. до н. э.— начале н. э. в Прибалтике на трапецевидных подвесках, из вилоподобного знака — символа молнии, изображающегося на античных вазах ¹⁰⁷. Да и некоторые рунические знаки имеют начертания, сходные со знаками на копьях ¹⁰⁸. И такое предположение, по нашему мнению, тем более выигрышает, что указанные копья отличаются от круга вещей, изготовленных в Северном Причерноморье: тип их западноевропейский, а рунические, в дополнение, надписи недвусмысленно указывают на их принадлежность.

Относительно трансформации сарматских знаков в письмо можно говорить, по-видимому, лишь следующее. Так как каждый знак был, собственно, специфической пиктограммой, то знаки применялись для примитивной «записи» и передачи каких-либо сведений. Говорить о большем нет никаких оснований.

В. С. Драчук

EMBLEM-TYPE SIGNS IN THE NORTH PONTIC REGION

by V. S. Drachuk

The signs in question are for the most part Sarmatian. Non-Sarmatian signs include the elaborate royal emblems of Bosphorus, such as those of Tiberius Eupator, Sauromatus II, Rhescuporis III. The Sarmatian signs originally represented clan emblems. Later, conventional representations of various objects served as emblems. Hence the similarity between Sarmatian emblems and those of other peoples. The elaborate royal devices of

¹⁰⁴ Bela Posta, ук. соч., стр. 139, рис. 84; стр. 182, рис. 119; J. H a m p e l, *Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn*, Bd II, Braunschweig, 1905, стр. 193 сл., табл. 156; стр. 225 сл., табл. 180. См. также Б. А. Рыбаков, *Древние русы*, СА, XVII, 1953 (Мартыновский и Хацковский клады: стр. 85, рис. 20, 2; стр. 97, рис. 15—18). О переходе тамг в орнамент см. Чернецов, ук. соч., стр. 169—170, табл. V и Пожидаев, ук. соч., стр. 253—265.

¹⁰⁵ G ö t z e, ук. соч., стр. 24, рис. 3; W. Antoniewicz, *Zelazne oszczepu inkrustowane z Kamienicy*, «Przegląd archaologiczny», t. 1, Zos. 3—4, 1920; K o s t r z e w s k i, ук. соч., стр. 127, рис. I, 1—15; S c h u c h h a r d t, ук. соч., стр. 275, рис. 233; M. S m i s z k o, *Grot dziarty z runicznym napisem z Rozwadowa nad Sarnem*, «Wiadomości archeologiczne», t. XIV, Warszawa, 1936; стр. 140—146, табл. XIX—XX; K o z ł o w s k i, *Zarjś pradziejów...*, стр. 99—100; С о л о м о н и к, ук. соч., стр. 43 сл.

¹⁰⁶ K o s t r z e w s k i, ук. соч., стр. 129, рис. 4.

¹⁰⁷ S c h u c h h a r d t, ук. соч., стр. 287.

¹⁰⁸ Ср., например, рунические знаки ζ $\vee$ (H. A r n t z, *Die Runenschrift. ihre Geschichte und ihre Denkmäler*, Halle, 1938, стр. 99 сл.) и знаки на копьях ζ $\vee$ (K o s t r z e w s k i, ук. соч., стр. 127, рис. 1, № 2, 6).

Bosporus (the lower part representing the dynasty, the upper part the king's name) combined two historical traditions, Bosporan and Sarmatian. The royal emblems were in ordinary usage accepted as the royal heraldic device. The Sarmatian signs had various uses: to designate persons living in a given settlement or small town (such signs were cut on the walls of caves or dwellings on special stone plaques or other objects, or on the gates or walls of the towns); to designate pastures and watering-places (in this case the signs were cut on rocks, large stones, prominent objects near springs); to designate the household utensils of the emblem's owner; or various goods belonging to other people which had been found unstamped, or not yet belonging to anybody and claimed as property now for the first time. Such signs might have cult significance, but only if they were put on cult objects. Sometimes they are used without any particular purpose. Among the Sarmatian tribes, as among other peoples, complicated and simple emblems coexist at a certain stage of development. The Sarmatian emblems on belt buckles and other artifacts (some of them made of gold) were either the devices of kings of Sarmatian origin or attest the existence of workshops producing for the Sarmatian nobles, besides those producing for the kings. In the course of time the signs were used for ornamental purposes only. At first the ornaments kept their significance as emblems, but later this significance was forgotten. Since the signs were in fact pictographs, they were also used by the Sarmatians to record and communicate certain information, which, however, does not mean that the Sarmatians had a system of writing.

К НАДПИСЯМ КБН, 77 и КБН, 1136¹

В 1856 г. в Керчи на северном склоне горы Митридат, «в земляных насыпях у Пирамидального холма» А. Е. Люценко нашел обломок мраморной плиты с греческой надписью². При сопоставлении данного обломка с другими фрагментами надписей, хранящимися в Государственном Эрмитаже, обнаружилось, что с плитой, найденной на горе Митридат, соединяются еще три соприкасающиеся между собой обломка, приобретенные Н. И. Веселовским в 1908 г. в Анапе у табачного торговца Сатира Хамалоглы и впоследствии опубликованные В. В. Латышевым³. Как два самостоятельные памятника надписи изданы в «Корпусе боспорских надписей» — часть плиты, найденная А. Е. Люценко, отнесена к числу пантикапейских (КБН, 77; на фотографии обозначена цифрой 1), а три обломка, купленные Н. И. Веселовским в Анапе, — к горгинопийским (КБН, 1136; на снимке — под цифрами 2, 3 и 4).

Издаваемый памятник, включающий все упомянутые четыре обломка, представляет собой плиту из серого, с легким желтоватым оттенком крупнозернистого мрамора; толщина ее в верхней части — 45—50 мм, высота сохранившейся части надписи 450 мм, ширина — 395 мм. Левый и верхний края плиты обработаны слабо, обратная же сторона осталась необработанной — плита, очевидно, вставлялась в стену. Лицевая поверхность камня полирована, но в отдельных местах повреждена, особенно в верхней части, где выбоины затрудняют чтение. Буквы надписи старательно вырезаны по линейкам, высота букв 17—18 мм. Слева оставлены поля, ограниченные тонкой, едва заметной линией.

¹ Пользуюсь случаем выразить благодарность сотрудникам Государственного Эрмитажа З. А. Билимович, Л. Ф. Силантьевой и Г. Д. Белову за помощь в работе и предоставленный материал.

² Архив ЛОИА, дело Археологической комиссии, 1856, № 2, л. 55. Издана Л. Стефани в ОАК, 1859, стр. 137 сл., а затем В. В. Латышевым в IOSPE, II, 57 (добавление к IOSPE, IV, стр. 286). Вторично издана им же в статье «Заметки по греческой эпиграфике» (ИРАИМК, 1, 1921, стр. 27 сл.).

³ В. В. Л а т ы ш е в, Неизданные горгинопийские надписи, ИАК, вып. 37, 1910. № 3, стр. 43 сл.

Ἀγαθῇ τύχῃ.

Θεᾶς ΣΑΥΑΣ Θ[έας?].

Βασιλεύον[τος] βασιλέω[ς Τιβερίου]—
 λίου Σαυρομ[ῆ]του φιλοκ[αίσαρος καὶ φιλο]—

5. ρωμαίου, εἰς[β]ούς, ἐτ[ους]... μ[ηνός]
 Ξανδικῶς, ο[ἰ] π[ερὶ] ἱερέα[τὸν δεῖνα Ἀγαθῇ]—
 τοῦ Βοχόρου [λ]οχαγός, [συναγωγὸν Ἀγαθῇ]—
 τοῦ Ζήνωνος καὶ ἐρο[ντιστῶν Φαρνά?]—
 κην Ἐυχαρίστου Χρηστ[ῶν Πανταλέον?]—
10. τος, Ἐρως Ν[ο]ύμηνου, [ὁ δεῖνα Ἀπολλω?]—
 νίου, Ἀττας [Νο]ύμηνου, ὁ δεῖνα ἑπαφρο?]—
 δεῖτου, Ἰάτρων Ἀλεξ[άνδρου, ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος].
 Φαρνακίων [Νο]ύμηνου,
 ους Ἀβ[α] . . . οθ
15. 2-3 ιου, Λυ . . . φ

. . . γγ

«В добрый час. Финас богини... В царствование царя Тиберия Юлия Савромата, друга цезаря и друга римлян, благочестивого, ...года, ..месяца Ксандика, во главе со жрецом..., сыном Агафа, сына Бохора, лохагом, синагогом Агафом, сыном Зенона и фронтисом Фарнаком, сыном Эвхариста; Хрестипон, сын Панталеонта (?), Эрот, сын Нумения, ..., сын Аполлония, Атта, сын Нумения, ..., сын Эпафродита (?), Ятрон (или Ятр), сын Александра, ..., сын..., Фарнакион, сын Нумения...».

1. Ἀγαθῇ τύχῃ. Ясно видны все буквы; хуже других сохранилась последняя буква (*эта*) в слове τύχῃ, однако и от нее осталась часть вертикальной линии.

2. vacat ΘΕΑΣ///ΣΑΥΑΣ vac. Θ. Л. Стефани, первый издатель левой части надписи, дал такое восстановление: θεᾶς σ[ωτεῖρα]⁴; у него чтение заимствовал Э. Миннз⁵. В. В. Латышев, не предлагая в IOSPE, II никакого восстановления, впоследствии дополнил строку θεᾶς[ος]—⁶. Мнение В. В. Латышева принято и издателями Корпуса. Остальные буквы строки, содержащиеся во фрагментах 2 и 3, оставлены как В. В. Латышевым, так и издателями Корпуса без дополнений⁷. Теперь, когда увеличилось количество известных нам букв в строке, можно было бы предположить чтение стк. 2 — θεᾶς[ος] ΣΑΥΑΣ Θ[εοῦ?], но оно не согласуется с тем, что в первых двух строках надписи наблюдается членение текста на слова (промежутки между словами Ἀγαθῇ и τύχῃ в стк. 1, промежутки между *сигмой* и *тэтой* в стк. 2; можно заметить также, что группа слов, относящихся к царской титулатуре и к обозначению даты, выделена такими же промежутками). Очевидно, и между θεᾶς и вторым словом был промежуток, поэтому чтение θεᾶς ΣΑΥΑΣ Θ[έας?] представляется более вероятным. Аналогией такому восстановлению может послужить конструкция заглавной фразы надписи финаса из Гермопассы: Ἀγαθῇ τύχῃ. Θεᾶς Ἀφροδείτης σύνδονος περὶ κτλ. (КВН, 1055). Следует отметить, что слово, следующее за θεᾶς (возможно, это эпитет богини), не поддается объяснению. *Ипсилон* читается хорошо, несмотря на то, что по нему проходит линия излома. За *тэтой* ясно видна нижняя часть вертикальной черты, что позволяет предположительно восстановить слово θεᾶς[ος] или θεᾶς[ος].

3. В слове Βασιλεύον[τος] слабо видны *бэта*, *лямбда* и *ню*, *тау* и *омикрон* не видны вовсе, *конечная сигма* сохранилась на смежном фрагменте (Л. Стефани, ОАК — Βασιλεύον[τος]; IOSPE, II и ИРАИМК, 1 — Βασιλεύον[τος]; КВН, 77 — Βασιλεύον[τος]). Βασιλέω[ς] — ясно видна левая половина *омеги*.

4. В слове Σαυρομ[ῆ]του сбиты наклонные линии *мю*, *альфа* уничтожена выбоинами, от *тау* уцелела правая часть горизонтальной черты на фрагменте 2; *омикрон*

⁴ ОАК. 1859, стр. 137. Л. Стефани предложил два варианта восстановления: θεᾶς σ[ωτεῖρα] и θεᾶς σ[ωτερῆα].

⁵ E. H. Minns, *Scythians and Greeks*, Camb., 1913, стр. 621.

⁶ См. Переиздание этой надписи: ИРАИМК, 1, стр. 27 сл. В дополнении к надписи (IOSPE, IV, стр. 286) В. В. Латышевым предложено восстановление θεᾶς[εῖται].

⁷ В. В. Латышев, ИАК, вып. 37, № 3, стр. 43 сл.; КВН, 1136.